

ДВУЖСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№ 9 ЯНВАРЬ 2018 ГОДА

• Памятники Тверской провинции

Ефрему Новоторжскому

В 2015 году в Торжке открыли памятник Ефрему Новоторжскому. Скульптор Евгений Антонов.

Преподобный Ефрем Новоторжский – основатель Борисоглебского монастыря в Торжке, родом из Венгрии. Вместе со своими

братьями Моисеем Угрином и Георгием он покинул родину. Придя на Русь, братья поступили на службу к ростовскому князю Борису.

Затем, оставив свой боярский сан и дом, Ефрем прибыл в Торжок, где построил храм во имя святых Бориса и Глеба, и, собрав много иноков, устроил обитель, а сам стал архимандритом. Скончался преподобный Ефрем в глубокой старости, его тело было погребено в устроенном им монастыре.

Наталья ШАБАНОВА

г. Андреаполь

Наталья Ивановна Шабанова родилась и выросла в деревне Жукопа Андреапольского района. Окончила Старицкое педучилище, а позднее Московский Государственный заочный педагогический институт, получив профессию учителя русского языка и литературы. Работала в разных школах района. Последние 19 лет в Чистореченском детском доме.

Стихи пишет давно. Публиковалась в периодической печати. Автор собственного поэтического сборника.

МОЁ ДЕТСТВО ДЕРЕВЕНСКОЕ

Я не знала шума города,
Золотых его огней.
И манила меня смолоду
Даль ромашковых полей.
Несказанная, незваная
Грусть тоскующей земли
И скамейка деревянная

« Я НЕ ЗНАЛА ШУМА ГОРОДА... »

Под берёзкою в тени.
Я до боли, до отчаянья
Влюблена в цветущий лён
И в тебя, сирень печальная,
И в тебя, мой старый клён!
Ах, луга мои привольные,
Запах клевера и ржи,
Песни в праздники престольные,
Те, что пелись от души.
А ещё дымок над крышею,
Огонёк в родном окне.
Моё детство деревенское,
Как же нравилось ты мне!

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Деревенька моя,
грустиночка,
В моём сердце
на все года!
Я останусь твоей
кровиночкой,
Я любила тебя
всегда!
От твоей ли
речонки извилистой,
От ржаных ли хлебов,
от гроз
Напиталась любовью
и выросла
В светлой грусти
твоих берёз.

Сколько нас
от сохи, от каменки?
В бездорожной
лесной глуши
В сапогах
и в подшитых валенках
У болот,
у сырой межи?

Сколько нас
по России рассеяно
Деревенских парней
и девчат?
По тебе,
что исчезла безвременно,
По ночам
наши души кричат!

СЕНОКОСНАЯ КРАСА

С кружевами кофта яркая,
Ситчик в крапинку- к лицу.
Приглянулась девка жаркая
Удалому молодцу.

Сенокос в разгаре – вжикает
Тонким лезвием коса.
А у девки солнце бликами
Заиграло в волосах.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр.1).

Задышало поле клевером
Разнотравье- благодать!
Парню стала девка веером
Искры-звёздочки метать!

И под взглядом, метко
брошенным,
В листьях высохла роса.
До чего ж она хорошая,
Сенокосная краса!

БЕССОННИЦА

Поздний вечер,
Хлёткий дождь стучится.
Лапка клёна
тянется в окно.

Одиноко..
И совсем не спится,
Так бывает-
время утекло.
Мысли тучей
в голове роятся,
Спрячт, лезут,
наполняют дом...
Боже мой!
Куда от них деваться?
Мысли всюду:
даже под столом!
Но не пнёшь же их
под зад коленом?
Не накажешь,
шлёпая ремнём.
И сидишь,
как статуя,
смиранный
И такой тяжёлый
на подъём.

ПОД ЛЕТНИМ ДОЖДЁМ

В ромашках спрятавшись, пою
И аромат вдыхаю лета
Я тёплой негой дождевой
И пёстрой радугой согрета.
По лужам бегать босиком,
Как прежде, в детстве, я
решила
И лип медовых карусель
Меня в объятьях закружила.

Я танцевала под дождём
И в искрах солнечных купалась.
А платье с тонкою каймой

Подолом за ноги цеплялось.
Я в этот сказочный мираж
Вдруг окунулась с головою
А ветер пел в моих ушах
Звенело лето надо мною.

ГРУСТНО БЫЛО

Где была? Куда ходила?
Я тебе не расскажу.
Знаешь, просто грустно было
И теперь без дел сижу
Что и как, сама не знаю,
Не люблю я эту грусть,
Посторонних заражаю,
На себя, как дура, злюсь.
Ведь приходит ниоткуда
И уходит в никуда.
Вот такая вот зануда,
Вот такая ерунда.

ПАУТИНКА

Тонким шёлком паутинка
Зацепилась на траве,
Как загадочная льдинка,
Серебрится в мураве.
Только тронь - она исчезнет,
Расплетутся кружева,
И погаснут все росинки,
И померкнет мурава.
Как и в тонкой паутинке,
В нашей жизни та же нить.
Нужно быть предельно мудрым,
Чтоб узор тот сохранить!

АПРЕЛЬ

Русь белоствольная и вольная
Весенней свежести полна.
Её леса, поля раздольные
Уже покинула зима.

На взгорках дружными
семейками
Желтеют первые цветы.
Берёзы стройными аллеями
Венчают праздник красоты.

С небес струится свет лазуревый
И льётся жаворонка трель.
К нам возвращается
причудливый,
Капризный и смешной апрель.

АВГУСТ

Август звёзды рассыпал в росах,
Задремал на пшеничных нивах,

Заблудился в душистых флоксах,
Георгинах неповторимых.

Паутинкой заплёлся в травах,
У речушек залёг туманом,
Запылал золотыми зарницами
За безмолвным седым курганом.

Хмурой рябью по водной глади
Прошмыгнул и в камыш
забился.
И брусничною спелой сопкой
Зарумянился весь, засветился.

Головёнками рыжих лисичек
Закивал грибникам у опушек,
Разбежался он по полянам
Чередую румяных волнушек.

Тонконогим подсолнухом
взмылся,
До небес дотянуться желая,
И за тучку слегка зацепился,
Слёзы грусти на землю роняя.

Август звёзды купает в росах
И медовым радует Спасом.
Тёплым хлебом он пахнет и
лесом
И свекольно-малиновым квасом!

* * *

Не спешит с уходом нынче осень.
Не роняет золото и медь.
И костёр рябины в куще сосен
Не успел ко времени сгореть.
И она, назло ветрам и стуже,
Вся в убранстве гордая стоит.
В небе - синь, на улице- ни
лужи,

День медовым солнышком залит.
Настоялась осень, размлела,
Щедро преподносит нам дары:
Сопками брусники заалела,
Белых накидала: НА! СОЛИ!
Стайками лисичек разбежалась,
Рыжиков наторкала под ель
И сосновой лапкою прижалась
К тоненькому клёну под капель.
Задрожала медью на осинах,
Золотом берёз сплела косу.
Разгулялась свадьбою лосиной
И шептаньем листьев навесу.

• Взгляд публициста

ЧИСТКА В РУССКОЙ АРМИИ

Обычно при словосочетании «чистка в армии» возникает ассоциация со временем Сталина, появляется неизменная тень Тухачевского и начинается перечисление прочих жертв. Причём, с подачи Хрущёва тема неизменно гиперболизируется:

«**В**ЕСЬМА тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937-1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке».

Исторические нотки, заданные Хрущёвым, с тех пор звучат своеобразным камертоном. А верные Хрущёву исследователи чуть ли не долгом своим считают в каждой новой своей работе на тысячу-другую увеличить количество репрессированных в армии.

Постепенно дошло до того, что 40 тысяч жертв, объявленные Д. Волкогоновым, воспринимаются чуть ли не верхом деликатности по отношению к Сталину. Если учесть, что академик А. Яковлев повысил ставку до 70 тысяч, то далее снежному кому расти уже ничто не мешало – 100 тысяч, 150...

В конечном итоге сейчас среднестатистический россиянин, как аксиому, воспринимает следую-

щую конструкцию: кроважидный Сталин уничтожил командный состав Красной Армии и поэтому Великую Отечественную мы начали с поражений. Добросовестные историки пытаются это нагромождение политической мифологии с чётко выраженным авторством «дорогого Никиты Сергеевича» опровергнуть, но слушают их плохо, если, вообще, слушают, поскольку эффект первого слова, первого мужчины, первого взгляда ещё никто не отменил.

В частности, существует подробная статистика репрессий и увольнений в РККА, которой занимался Игорь Пыхалов в книге «Великая Оболганная война». После тщательного исследования вопроса, он делает вывод: «...в количественном отношении влияние репрессий на командный и начальствующий состав РККА оказывается весьма незначительным, а образовавшийся некомплект был вызван резким увеличением численности армии».

Вроде бы всё ясно. Ложечки нашлись. Но Пыхалова прочитали считанные единицы, а Хрущёв с Волкогоновым в уши влезут, даже если уши залепить воском, как некогда Одиссей залепил уши своей команде перед встречей с сиренами. Слишком уж масштаб разный.

И самое главное. Уверенно твердя про «сталинские репрессии в армии», в стороне говорящих остаётся другая чистка, не менее серьёзная и куда более глобальная

по своим последствиям. Только вот резонанса у неё поменьше и не из каждого утюга про неё услышишь.

Речь о чистке Русской армии, предпринятой в 1917 году военным и морским министром Временного правительства Александром Ивановичем Гучковым. Сталин по сравнению с Гучковым – робкий детсадовец, постоянно пытающийся что-то доказать, включить логику.

Гучков себя такими пустяками, как логика, не утруждал. А. Деникин в своём обстоятельном труде «Очерки русской смуты» (Париж, 1921) пишет, что в военной среде гучковская «демократизация» получила название «избиение младенцев»:

«В течение нескольких недель было уволено в резерв до полтора десятка старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий».

Под демагогические рассуждения о необходимости дать «дорогу талантам», о свивших себе гнездо в военном ведомстве протекционизме и угодничестве военный министр Временного правительства банально в марте-апреле 1917 года обескровил русскую армию.

Причём, как и полагается политику, Гучков всё очень складно объяснял и вины своей не признавал даже теоретически:

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

«С трибуны Государственной Думы я еще задолго до войны указывал, что нас ждут неудачи, если мы не примем героических мер... для изменения нашего командного состава... Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, было даже десятки, но я советовался с людьми знающими, и принимал решения лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроением. Во всяком случае, всё, что есть даровитого в командном составе, выдвинуто нами».

Возможно, что не все из увольняемых офицеров были достойны жалости. Сам Деникин признаёт: «...многие из уволенных вряд ли представляли особую ценность для армии».

Однако методы, предпринятые Гучковым, в частности, практика заполнения так называемых «мерзавок» - списков корпусных и дивизионных начальников, и сам масштаб чисток были беспрецедентными.

Сергей Мельгунов в своём исследовании «Красный террор в России» (для иных исследователей террор по определению может быть только красным и с этим политическим дальтонизмом ничего не поделаешь – А. К.) итожил: «По разным подсчетам, к 10 августа 1917 года были сняты с должностей 140 генералов, в том числе двое верховных главнокомандующих (М. В. Алексеев и А. А. Брусилов), пятеро главнокомандующих армиями фронтов (В. И. Гурко, А. Е. Гутор, Н. В. Рузский, В. В. Сахаров, Н. Н. Юденич), семеро командующих армиями (Л. Н. Белькович, А. А. Веселовский, М. Ф. Квецинский, Н. М. Киселевский, Л. П. Леш, Р. Д. Радко-Дмитриев, Г. В. Ступин), шестеро главнокомандующих, командующих и главных начальников военных округов (Д. П. Зуев, А. З. Мышлаевский, П. А. Половцов, Е. А. Рауш фон Траубенберг, Н. А. Ходорович, М. И.

Эбелов), 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных дивизий, 13 начальников кавалерийских и казачьих дивизий, инспектор артиллерии армии, 11 инспекторов артиллерии корпусов, 13 командиров артиллерийских бригад. Из названного количества 16 генералов были сняты с должностей по служебному несоответствию, 74 – по болезни, 33 – «по обстоятельствам настоящего времени».

В общей сложности в разгар Первой мировой войны 1914–1918 годов из армии были уволены около 100 старших офицеров, включая 8 главнокомандующих фронтами и командующих армиями, 35 из 68 командиров корпусов, 75 из 240 начальников дивизий. По свидетельству комиссара Временного правительства В. Б. Станкевича, «сознание непрочности своего положения после «чистки», устроенной на фронте Гучковым, и при постоянных сменах наверху было духовной атмосферой генералитета и, конечно, очень вредно отражалось на деле, отнимало у них последние остатки мужества и энергии».

Деникин, кстати, приводит усреднённую цифру вычищенных из армии начальников. Иногда называется и цифра в 160 старших начальников, которая тоже недалеко от истины, учитывая, что полной статистики никто не вёл и глубоким исследованием темы не занимался.

Тем более, что очень скоро подоспел 1937 год и антисоветчикам различных розливов было гораздо выгоднее акцентировать свой пафос на иных фигурах и персоналиях. Советские же историки могли лишь поблагодарить министра Гучкова за столь тотальную чистку, в результате которой русская армия в её, даже критичном, варианте, перестала существовать.

Деникин однозначно писал, что гучковские эксперименты «предрешили как исход летнего наступления, так и конечные судьбы армии. (...) Массовое увольнение начальников окончательно

подорвало веру в командный состав, и дало внешнее оправдание комитетскому и солдатскому произволу, и насилию над отдельными представителями командования».

То же, что Гучков преследовал цель не улучшить качество армейского руководства, а именно уничтожить всё на корню, прекрасно показывает его дальнейшая скандальная и сенсационная отставка, которая последовала 29 апреля 1917-го. Другой министр Временного правительства, И. Церетели, писал в эмиграции:

«Сенсационная была, собственно, не самая отставка, а форма этой отставки: без предупреждения правительства, без предварительного обсуждения вопроса с товарищами по министерству военный министр в ходе войны покидал свой пост, заявляя, что правительство лишено возможности отправлять свои функции и что он, военный министр, «не может далее нести ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины».

Фактически, если называть вещи своими именами, то Русскую армию передал большевикам на блюдечке с голубой каёмочкой именно министр-масон Гучков. Хаос и страх, пришедшие в армию, сделали так, что офицеры предпочитали или не высовываться лишней раз или просто молчать.

Был ли Гучков скрытым большевиком? Вряд ли. Он был обыкновенным недалёким прожектёром, который думал, что если отвесить кому-то звучную затрещину, то эхо от неё пройдёт по всей Руси великой и укрепит авторитет отвечающего.

В действительности, гучковская чистка в армии показала всем, кто хотел что-то увидеть, что армии как таковой больше нет. Стройная или казавшаяся стройной система зашаталась и превратилась в полную нелепицу, где роль случайности или субъективной ошибки превращалась в некий абсолют.

(окончание на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

О том хаосе точно пишет Деникин: «Брусиллов уволил командующего 8 армией генерала Каледина — впоследствии чтимого всеми Донского атамана — за то, что тот «потерял сердце» и не пошел на встречу «демократизации». И сделал это, в отношении имевшего большие боевые заслуги генерала, в грубой и обидной форме, сначала предложив ему другую армию, потом возбудив вопрос об удалении. «Вся моя служба — писал мне тогда Каледин — дает мне право, чтобы со мной не обращались, как с затычкой различных дыр и положений, не осведомляясь о моем взгляде».

Воспоминания Деникина, вообще, полны подобных историй, где само понятие об армейской дисциплине и строгой иерархии оказывается предельно размытым.

Да, если Гучков и его единомышленники ставили цель добиться полной лояльности армии к государству, то они этой цели добились. Другое дело, что этой самой лояльностью они или не знали, или не умели распорядиться.

Потом даже термин такой оправдательный для гучковцев появился – «революционная стихия». Дескать, в революцию мы обращались со смерчем или цунами, а не с конкретными людьми.

Увы, но одно другому явно не мешало и к массе чисто объективных факторов наложились также факторы, откровенно свидетельствующие не в пользу интеллектуальных способностей гучковцев. Если,

конечно, не считать Александра Ивановича скрытым большевиком.

Зная о чистках в армии марта-апреля 1917 года, совершенно другой смысл приобретают и события, которые последовали спустя 20 лет. Во-первых, они оказались куда скромнее по размаху, чем практиковал министр Временного правительства. А во-вторых, нельзя не признать, что сталинская машина действовала куда мудрее и логичнее, от пресловутых «мерзавок» перейдя к полноценным следствиям и судам, когда это требовалось.

И конечный результат у двух этих мероприятий был разным. Если Гучков добил Русскую армию, то сталинская реформа в армии лишь укрепила её. Что же касается разговоров о том, что Великую Отечественную мы могли бы встретить иначе, то это – только разговоры.

Праздные и бесполезные разговоры. Всего лишь призванные поверить в возможность роста во рту грибов при определённых обстоятельствах.

Бывший посол США в Москве в 1937-1938 годах Джозеф Девис в своём дневнике писал: «Сегодня (в 1941 году – А. К.) мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские агенты действовали повсюду, даже в Соединённых Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Гелена. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (де Грелль)... Однако ничего

подобного в России мы не видим. «Где же русские пособники Гитлера?» - спрашивают меня часто. «Их расстреляли», - отвечаю я.

Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чисток. Тогда меня шокировала та бесцеремонность и даже грубость, с какой советские власти закрывали по всей стране консульства Италии и Германии, не взирая ни на какие дипломатические осложнения. Трудно было поверить в официальные объяснения, что сотрудники миссий участвовали в подрывной деятельности. Мы в то время много спорили в своем кругу о борьбе за власть в кремлёвском руководстве, но как показала жизнь, мы сидели «не в той лодке».

И если голосу разума верить не хочется, то, может, попробовать поверить мнению гражданина США?

В любом случае, говоря о чистках в армии, следует очень чётко представлять, какой год имеется в виду и кто являлся родоначальником данных чисток. Год – 1917-й. Родоначальник – Гучков. И не путать действительные факты с пропагандой.

То, что происходило в СССР в 1937 году, чистками не являлось и было арией совсем из другой оперы. Совсем с иными декорациями и сценарием.

Учите магчасть. Интересуйтесь своей историей.

А. КАНАВЩИКОВ,
г. Великие Луки

• **Редкие песни**

ОЙ, ДА НЕ ВЕЧЕР ...

Ой, да не вечер, да не вечер
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.

Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Разыгрался, расплясался,
Разрезвился подо мной.

Налетели ветры злые
Да с восточной стороны

И сорвали черну шапку
С моей буйной головы.

А есаул догадлив был,
Он решил сон мой разгадать.
«Ой, пропадет, - он говорил мне,
«Твоя буйна голова».

Ой, да не вечер, да не вечер
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.

Алексей БОРДАКОВ

г. Великие Луки

Алексей Николаевич Бордаков родился 25 января 1945 г. в Ставропольском крае. После окончания школы учился в Великолуцком педагогическом институте. Затем до 2006 года работал учителем в селе Борки Великолуцкого района Псковской области. Преподавал русский язык, литературу, физкультуру, НВП, ОБЖ. Издал 10 сборников стихотворений. Является ветераном труда РФ.

Я ВОСПИТАН

Я воспитан песнями о Родине.
Их мне пели бабушка и мать,
И отцом с медалями и орденом,
Что его подчеркивают стать.

Прикасался бережно я к ордену,
К офицерским звездочкам погон.
И вселялось в душу чувство гордое
За семью, в которой я рожден.

Стелы у высоток с обелисками
Болью отзываются во мне.
Обрели покой под ними близкие
И отцу, и матери, и мне.

Я прошел солдатом испытания
В наши дни террором и войной
И оставил детям в завещание
С орденами предков орден свой.

«Я ВОСПИТАН ПЕСНЯМИ О РОДИНЕ...»

Мною с детства внуки все научены
За Отчизну доблестно стоять.
Ведь не зря над сыновьями
лучшими
Истекает горем в скорби мать.

РАЗНЫЕ ПАРНИ

Парни воевали,
по-геройски пали.
По медали дали
матерям седым...
В землю провожали –
плакали, рыдали.
И покой, и слава
вечно молодым.

В спорте тоже парни
бились – за медали.

По медали дали
за победы им...

По машине – дали,
по квартире – дали.

Денег тоже дали,
слава молодым!

На руках их носят,
к небесам – возносят

И автограф просят
у «богатырей»...

Матери погибших
подаянья просят.

Стороной обходят
люди матерей.

Верящие в Бога,
господа – министры,
Помогли бы бедным
или не сродни?

Я бы вас до церкви
не пустил на выстрел.

Почему вер много,
если Бог один?

УСТАНУ ДУШОЮ...

Устану душою
от прозы житейской –

Потянутся мысли
в далекую даль,

Где греется домик
на улице сельской,

Уткнувшись трубою
в тумана вуаль.
На озере лебедь
с лебедкою пляшет,
Крылами большими
от счастья звеня.
Отец спозаранку
кормилицу пашет.
Его звать к обеду
Спешу с мамой я.

Смахнет пахарь капли
соленого пота,
Посадит, смеявшись,
на плечи меня...
Там баня струится
дымком по субботам.
Там нет в моем сердце
печали ни дня...

Там бродит соседка
с лукошком по роще.
Кричу, окликаю –
не слышит она.
Как с нею хотелось
быть чаще и дольше!
Не вышла ли замуж?
А может одна?..

Устану душою
от прозы житейской –
Потянутся мысли
в далекую даль,
Где греется домик
на улице сельской,
Уткнувшись трубою
в тумана вуаль.

ОЧЕНЬ КСТАТИ

Выстилает память в детство путь,
И бальзама капли в душу льются.
До чего же хочется взглянуть
На места, что родиной зовутся.

Замедляет скорый поезд ход.
У вагона радостные лица.
Я мечтал не месяц и не год
На просторы родины явиться.

(окончание на стр. 7).

(начало на стр. 6).

Матери озерный ясный взгляд.
Только стали волосы белее.
Как за мною издали следят
Очи, что на свете всех милее.

Навестил соседей и друзей,
Как когда-то в юности бывало.
Постучал с надеждою в «музей»,
Где шедевры чувств душа ваяла.

Очень кстати прибыл я взглянуть
На места, что родиной зовутся.
Ни к чему билет в обратный путь:
Обо мне там слезы не прольются.

ОСЕНЬЮ

Сосна зелёным обликом
Целует в небе облако.
Сияет солнце золотом,
Седеет луг ромашковый
В сетях из паутин
И небосвод расколотый
Пронзает криком жалобным
Летающий к югу клин.

Горят болота клюквою.
В лесу грибник аукает.
В траве напрасно прятался
Красавец-боровик.
Меня в тиши баюкая,
Поют ветра под Луками.
В такт сердцу дятел тукает
И я срезаю гриб.

И с грибниками первыми
С волнушками и белыми
Несу лукошко полное
С улыбкою домой.
Пахнуло ветром северным –
Запахло мятой зрелую.
Бежит любовь несмелая
Беседовать со мной.

ЛУЧАНКА

Сияли фонтаны, и Ловать сияла.
Над городом плыли шары в
вышине.
Ты в крепости старой улыбкой
изъяла
Спокойствие сердца и мыслей во
мне.

Мне сны продлевают приятные
муки.
Твой образ, лучанка, повсюду со
мною.

Великие Луки, Великие Луки,
Устрой с нею встречу мне, город
родной.

Когда опускается в сумерки
вечер,

Над Ловатью лебеди в небе
трубят.

Они призывают явиться на вече
У крепости старой, лучанка, тебя.

Я путь устелю твой цветами на
вече.

Себя предо мною ты только яви.
Вселенной путь вечен, а наш –
скоротечен.

Прийди же на вече, на вече
любви.

КРАСНЕЕМ

Увидит – краснеет, увижу –
краснею

И слов не находим, и рядом идем.
Да что же такое со мною и с нею ?
А кто-то промолвит, что это –
любовь.

Приятно быть рядом, приятно
быть вместе.

Родные обоих ни в чем не корят.
Но как неприятно «тычинка и
пестик», –

Услышать вдогонку дразнилку
ребят.

Крикливый – ни слова,
крикливый – ни слова,

Как будто дразнилка не трогает
нас.

Закончена школа и с краскою
снова

Вдвоем покидаем любимый наш
класс.

Отправила юность дразнилки в
копилку.

Другие заботы и мысли у нас.

Но снова краснеем, с родной
половинкой,
Целуясь под «горько» при тысяче
глаз.

ПРАВИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Раньше по приказам,
нынче по указам

Правильные люди
учат остальных.

Шли к заветной цели,
веруя в их разум,

А теперь без цели,
в никуда за них.

Прежде к Беломору
шли по приговору,

К целине – с плакатом,
с песнями – на БАМ...

Не найти работу
ни бомжу, ни вору,

И бичи за рюмкой
мёрзнут по дворам.

Учат непутёвых
правильные люди.

Что не надо видеть,
не глядим на то.

Так от смуты к смуте
по Отчизне блудим.

Что же делать будем?
виноватый кто?

Задаём вопросы,
не даём ответа.

Ради бурь в стакане
выйдем на протест.

Правильные люди
подойдут с ответом,

Обеспечат рьяным
пару-тройку мест...

Катит время годы,
Русь в делах бесплодных.

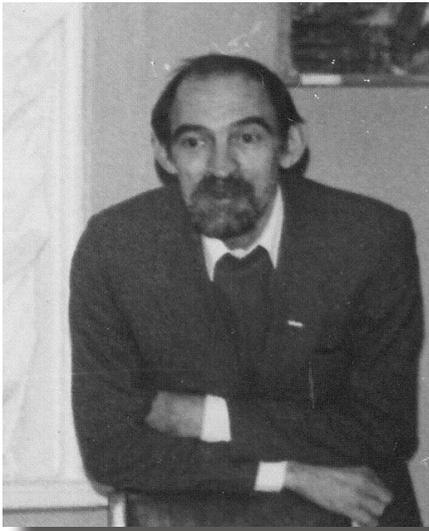
Правильные люди
нас во всём винят,

И на всякий случай
по оффшорным зонам,

Что у нас украли,
бережно хранят.

• Литературное краеведение

Виктор СЫЧЕВ

Виктор Васильевич Сычев родился 17 марта 1947 года в городе Бологое, учился в средней школе № 11. Во втором классе заболел ревматизмом настолько, что некоторое время не мог ходить. Стал учиться и сдавать экзамены комиссии дома. Окончив 8 классов поступил в Ленинградский полиграфический техникум на отделение художественного редактирования. Из-за трудного материального положения перевелся на заочное отделение, возвратился в Бологое, окончил вечернюю школу и устроился в районную газету. Затем работал в вышеволожских газетах.

После службы в армии женился и написал первую книгу «Березы за стрельбищем». Семейная жизнь не сложилась, и Виктор вернулся в Бологое, где работал художником в вагонном депо, экскурсоводом.

Сычев не только писал стихи, но и увлекался графикой и книжной иллюстрацией. В 1991 году он стал директором музея имени Н. И. Дубравицкого. Часто выступал на страницах местной газеты «Новая жизнь» с очерками об истории города. В музее проводил каждую субботу встречи с интересными людьми, устраивал выставки, концерты.

Несчастье обрушилось внезапно. Тяжелая болезнь, операция, пропал голос. Даже во время болезни Виктор Сычев не оставлял занятия графикой, продолжал писать стихи. Жизнь его оборвалась в самом расцвете, в 47 лет.

* * *

Да, судьба была неумолима,
Но солдат доволен и такой.

«КАК АНГЕЛ МОЙ НЕТЕРПЕЛИВ...»

Костыли, конечно, не малина,
Но зато он дышит!

Он – живой!

Пусть рука оторвана по локоть,
Но, держась другою за костыль,
Можно наклониться и потрогать
Зиму пересиливший ковыль.

Можно жить и знать, что жизнь в
разгаре,
Знать, что завтра тоже будешь

жить,

Можно просто шелкнуть
портсигаром,
Не в рукав, открыто закурить.

Пусть полтела брошено за Вислой,
Для того и шел он в каждый бой,
Чтоб светло и празднично повисло
Зарево салюта над Москвой!

* * *

Победили... Но во всяком случае
Мы победу празднуем не ту.
... Батку по ночам осколки

мучают,

Так, что зубы крошатся во рту.

А потом – весёлый отчего-то,
До утра насили дотерпев,
Он спешит устало на работу,
Даже чай себе не подогрев.

А потом опять наступит вечер,
Боль в ноге, и чёрт те знает в чём.
Ночь – мучительная, будто

вечность

Сорока смертей под артогнём.

Белый день ему – как передышка
Перед боем с болью и бедой.
Из скольки таких боев он вышел
С поседевшей за ночь бородой!

Но утрами – боли, страхи, беды
Снова поворачивают вспять.
Вот какую празднуем победу –
Победив, все так же побеждать!

* * *

Вон – миры с мягким стуком
горошин

Задевают друг друга в тиши...

Одиночество разума горше

Одиночества бедной души...

Та хоть может поплакаться в голос,
Разум выслушает, облегчит.
И, остатней слезинкой омоешь,
Тихо всхлипнув, душа замолчит.

Разум знает ее заблужденья,
Разум знает, как сладостна ложь...
Но, решив дать душе облегченье,
Самому же себе и соврешь.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

О, ветры! О, земли времен!
Как, чудно смешавшись, попали
Вы в этот стеклянный полон –
Сосудик с осиною тальей,
Где

в нижнюю из половин

Стекает бесшумное время –
Смертельнейшее из вин –
В стекло заключенное время...

Стекает сверкающий прах
С горчащим, наверное, вкусом...
В беззвучных песочных часах –
Песок из следов Иисуса.

УРОКИ РИСОВАНИЯ

Мы приходили с белыми
альбомами,
Хоть были часто руки не чисты.
Ее надеждой были мы и болями –
Первопроходцы древней красоты.

Еще была – привычка ли,
чужачество:
Остатки хлеба, булочек – в дому
Все оставалось. Но куда все

прячется,

Она не говорила никому.

Она и разговаривала с вызовом
От завроно до завуча – подряд.
И плакала, Когда по телевизору
Показывали снежный Ленинград.

Садилась мы. И гипсовые головы
Смотрели выше и правее нас.
И взгляд ее был холоден, как

олово,

Но мы его ловили, не боясь.

Мы знали все – мы знали,
потеплеет

Тот взгляд, когда на глянцевых
листах

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8)

Лик Афродиты гладко потемнеет
С застывшими словами на устах...

А после – чай, варенье и масло,
И булка, сколько надо – столько

режь.

Она смотрела радостно и ясно,
И тихо приговаривала: – Ешь...

ФОТОГРАФИЯ

Какой Твардовский молодой!
Покой на лбу его вощеном.
И Солженицын запрещенный
Над ним склонился головой.

Как бы разглядывал в гробу
Святую волю завещанья...
Он знал – мы снова обнищали,
Еще одну простив судьбу...

Какая сильная беда!
Как век у пастырей короток!
Сомкнулись: твердый подбородок
И – лагерная борода...

* * *

В запомнившейся горечи брусники –
Суть бытия. Застывший взрыв
страстей.
Все превратилось в камень, в пыль
и книги,
И шорох дат давно ушедших дней.

Живые лица уплывают в лики,
И горечь ягод – в горечь от вестей.
Но счастлив я, что терпкий вкус
брусники
Я ощущаю в знаке на листе.

Да, есть чему будить в ночи.
И запах
Живой, из незапамятного дня,
Чуть повитав в необозримых
залах,
Найдет прохладной именно меня.

И с этой легкой весточкой былого
Я сон отрину, к книгам доберусь,
И буковки, заплевшиеся в слово,
Я как бруснику – ягоду былого –
Без срока буду пробовать на вкус...

* * *

Копает бабка огород.
И на лопату рыжим ботом,
кряхтя и охая, встает
со всею тяжестью заботы.

Фуфайка на худых плечах,
еще поддевка – чтобы грела –
скрывают маленькое тело,
и вся-то бабка – как свеча,
которая всю ночь горела.

Вот-вот погаснет, отойдет
за ту черту, где всё – отрада.
А вот поди ж ты! Огород!
Еще сажать картошку надо...

Все жарче дышит майский день,
и солнце замерло в зените,
и бабку связывает тень
с землею тоненькою нитью.

Часам к шести, не чуя ног,
воткнет лопату, вспомнив что-то...
И вот желтеет черенок.
И помирать не вышел срок:
на завтра есть еще работа.

* * *

Как будто гул колоколов,
округлый абрис куполов.
Они встают над суетой
полуприметной красотой.

Над ними память, свет и грусть
поднимет лбом высоким Русь,
и только черного-то в ней –
две тонких черточки бровей.

Неуловимый их излом
восходит медленно над злом
и над неверием моим...
И я уже вознесся с ним
куда-то

к самым куполам,
к мерцающим колоколам:
и сквозь глухую немоту
я вижу ту же простоту:
как вольный гул колоколов,
округлый абрис куполов...

* * *

Карандашный набросок березовой
рощи,
и извивы, изгибы, изломы ветвей...
Синий снег
перепутанным зайцем
прострочен
возле самого берега белых полей.

А поля – как моря,
а холмы - словно волны,
набегают к подножию белых берез.

И, устав, застывают в холодной
неволе,
превращаясь в ряды бесконечных
берез.

* * *

А кроме сброшенных оков,
земля еще кой чем богата.
Курганы древние покаты,
как лбы настырных мужиков.

Во мгле пустырной глубины,
как на огромнейшем погосте,
моих пра-пра- жильё и кости –
начало нынешней страны.

Земля богата стариной.
И от нее нельзя отречься,
как от ушедшей в землю речки,
но речки, в памяти живой.

И на Москве стоит Москва.
И тем сильна необычайно.
Да разве может быть Иваном
Иван, не помнящий родства!

* * *

Как ангел мой нетерпелив –
Крылами он трепещет гулко,
Сиянье солнечное взбив
На пылкой тропке переулка...

На солнцепеке воробьи,
Как он, купаются счастливо...
А вот поди ж ты – дни мои
В крылах вот этих суетливых!

Он ими солнечную пыль
Взбивает, занятый отрадой,
Мою коротенькую быль
На миг оставив без догляда...

РОССИЯ

Кони грубо вылеплены кем-то,
Вписаны талантливо в закат.
Солнце опустилось на колени
В августовский синий аромат.

Там, где мужики траву косили,
На четыре дальних стороны,
Как косарь,

раскинулись Россия
Отдыхать –
от мира и войны.

• Память

«ГОНТАРЬ», ОН ЖЕ БОБРУСЬ...

Петра Васильевича Бобруся андреапольцы запомнили доброжелательным, скромным человеком. О своих подвигах он не распространялся, говорил лаконично: «Выполняли поставленные командованием задачи». На партизанских слетах не стремился быть на виду. Лишь с годами, когда Петра Васильевича уже не было в живых, удалось подробнее узнать, чем он занимался он на войне.

Из персонального формуляра спецучета следовало, что П.В. Бобрусь родился 23 декабря 1920 года в селе Ивановка Шевченковского района Харьковской области. Его маму звали Мария Ивановна Немичева. Там же, в Ивановке, он окончил школу. Срочную службу проходил красноармейцем 49-го пограничного кавалерийского отряда на южной границе СССР. В 1941 году окончил школу младшего командного состава в Алма-Ате, получив звание младшего лейтенанта. В 1942 году продолжил обучение на курсах при Высшей школе НКВД. С июля этого года по сентябрь 1944-го выполнял специальные задания в тылу вражеских войск.

В удостоверении значилось: «Предъявитель сего лейтенант Бобрусь Петр Васильевич действительно является помощником начальника опергруппы по разведке представителя Центрального штаба партизанского движения при Военном Совете 39-й армии. Тов. Бобрусь П.В. имеет право на передвижение за линией фронта и беспрепятственный выход из тыла врага. Командирам подразделений и частей Действующей Армии лейтенанту тов. Бобрусь оказывать необходимую помощь в работе. Действительно по 1 ноября 1943 года. Начальник группы представителя Штаба партизанского движения при Военном Совете 39-й армии Кривошеев».

Отряд под командованием Бобруся состоял из нескольких десятков человек. Это были как профессиональные военные и работники НКВД, так и совсем молодые, не имеющие боевого опыта юноши и девушки. На должность комиссара отряда Калининским обкомом

ВКП (б) был направлен работник областного управления НКВД Петр Федорович Федоров. Начальником штаба Центральный штаб партизанского движения командировал боевого офицера, бывшего заместителя командира артиллерийской батареи Карима Якуповича Юсупова. До войны он проживал в Пскентском районе Узбекской ССР. Радист Иосиф Борисович Ческис был киевлянином. Радистка Елизавета Владимировна перед войной окончила среднюю школу в Безьяновском районе Саратовской области. Восемнадцатилетняя шифровальщица Тамара Андреевна Чагина проживала под Калининском, в деревне Бурашево. Ее ровесника разведчика Ивана Кузьмича Евдокимова направил в отряд Спировский райком ВЛКСМ Калининской области...

П.В. Бобрусь был третьим командиром отряда. Его предшественник Михаил Жибоедов погиб в бою с немцами у деревни Заситино летом 1943 года. Сохранился наградной лист. В нем отмечается, что старший лейтенант, командир разведотряда №1 спецназначения Штаба партизанского движения Калининской области Петр Васильевич Бобрусь представлен к ордену Красной Звезды. В представлении отмечается: «...с ноября 1943 г. развед. отрядом т. Бобруся установлена миграция 130 воинских частей противника, местонахождение 45 крупных складов, укрепленных гарнизонов Опочка, Красное, Себеж. Разведана также линия обороны немцев по реке Великая. Все разведанные доставлялись в срок и оказали существенную помощь наступающей Красной Армии. Кроме этого, отряд т. Бобруся пустил под откос 4 вражеских эшелона, взорвал 7 мостов, уничтожил 2 воинских склада, 30 автомашин, произвел

нападение на 5 воинских гарнизонов и две волости. В результате боевых действий убито 332 немца, взято 5 пленными». Представление подписал начальник оперативного отдела Штаба партизанского движения Калининской области майор Прибытков.

27 марта 1944 г. начальник разведотдела штаба партизанского движения Калининской области майор Возчиков представил Петра Васильевича к награждению орденом «Отечественной войны» I степени. «За время работы командиром отряда П.В. Бобрусь проявил себя как опытный и отважный разведчик, - отмечал Возчиков. - В течение 1944 года им через свою агентуру, охватывающую Опочечский, Красногородский и Себежский районы, было своевременно выявлено прибытие на 2 П.Б.Ф. 12 и 16 танковых дивизий и 418 пехотной бригады. Установлено скопление в январе 1944 года в районе города Опочка войск и техники противника. В городе Себеже установлено передвижение штаба 16 армии и смена 107 охранного пех. полка 405 и 415 охранными батальонами. Сообщено об убытии 640 учебного немецкого полка связи. В деталях выявлена оборона города Опочка, разведано строительство оборонного рубежа между Опочкой и Идрицей».

На заключении наградной комиссии не слишком разборчивая запись: «От награждения воздержаться... виновник же и Бобрусь, что не были обеспечены порядок и условия вывода бригады...» За давностью лет невозможно установить, что вызвало сомнений у членов комиссии. Судя по результатам аттестации П.В. Бобруся на звание капитана (она состоялась 2 сентября 1944 года), его прегрешение оказалось несущественным. Представление на

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

аттестацию написал начальник отдела кадров (видимо, это был начальник отдела кадров Штаба партизанского движения) подполковник Шиповалов. Он отметил, что «т. Бобрусь за боевые заслуги награжден орденом «Красная Звезда» и представлен к медали «Партизану Отечественной войны» I степени... Ст. л-т Бобрусь П.В., находясь в партизанском движении с августа месяца 1942 года в должности уполномоченного опергруппы партизанского движения 41 Армии, заместителя командира, комиссара и командира специального разведотряда Штаба партизанского движения, проявил умение и способности руководить починенными... Тов. Бобрусь организовал широкую агентурную сеть в оккупированных районах Калининской области, которой умело руководил, обеспечивая красную Армию ценными данными о противнике. Тов. Бобрусь дисциплинирован, авторитетом и доверием среди подчиненных пользуется, тактичен в обращении. Занимаемой должности соответствует вполне. Достоин присвоения звания «капитан». Кстати, орден Отечественной войны I степени П.В. Бобрусь получил, но позже.

Упоминание о деятельности отряда Бобруся я обнаружил в очерке Николая Масолова «Разведайте и донесите...»: «Мороз, Огонь, Фиалка, Краснофлотская, Дубровковский, Керчь, Кужель, Курск, Онегин, Дуб – это далеко не полный перечень разведчиков отряда, действовавших в городе Опочке. Плотно засели они в отртскомендатуре, в подразделениях организации Тодта, непосредственно в гарнизоне и в Краногородске. В Латвию ушла группа Георгия Бойко. Она состояла из наиболее опытных разведчиков, имела свою рацию. И поток радиogramм наши штабы усилился. В 1944 году Гонтарь (позывной Бобруся) регулярно сообщал о движении немецких войск из Латвии, дал точные координаты 14 отдельных частей, подробную характеристику 281-й дивизии охранных войск.

Нередко ценную информацию Бобрусь получал непосредственно от гитлеровцев. «Языки». Брали их с выбором. Однажды в руки разведчиков попал переводчик отделения ГФП в Красногородске. Больших претензий предъявить к нему было нельзя. Однако при первом разговоре с ним, слезно рассказывавшим свою историю, Бобрусь заметил то, что может заметить лишь опытный раз-

ведчик, - искру напряжения в глазах.

- Андрей Максимович, - обратился он вечером того же дня к комиссару Телятникову (кстати, врачу по профессии), - не кажется ли тебе странным, что гитлеровцы в качестве переводчика использовали еврея?

Я тоже подумал об этом. Но бывает.

- Рассказывал довольно искренне. И все же давайте его допросим вдвоем и поосновательнее.

Допрос проходил в весьма «подходящем» месте – в огромной воронке от бомбы. Немецкие самолеты только что отбомбили деревню Овсянки, где располагался отряд. Переводчик сознался: не еврей он, пытающийся вырваться из тенет врага, а фашистский агент по кличке Арам. Заброшен с целью войти в доверие и через отряд попасть в советский тыл для шпионажа...»

Не каждый отряд мог похвастаться столь весомым послужным списком, как отряд Бобруся. К моменту соединения партизан с частями Красной Армией он включал в себя 9 агентурных и войсковых групп. Каждая в свою очередь состояла из 15-20 человек. Например, агентурная группа Прушковского включала в себя 5 разведчиков-связистов, 2-х резидентов, (один из них имел 8 агентов, другой - 6). Агентурная группа Дударева имела в своем составе 5 связников-разведчиков и 9 агентов.

Всего отряд располагал 84 бойцами, 6 резидентами, 51 агентом и 3 проводниками. В целом же в тылу врага к концу 1943 года действовали 80 групп войсковой разведки, 48 агентурных групп, 1157 разведчиков, 35 резидентов, 43 агента, 255 осведомителей, 104 связника. В Калининский штаб партизанского движения от них поступило более 1500 радиogramм с разведывательными данными и более 400 письменных донесений от бригад, отрядов и агентов.

«Но была у нас и другая цель – через связных вести работу с солдатами противника, – вспоминал командир взвода из разведотряда Петра Бобруся, выпускник Калининского пединститута Г. Самуйлов. - Тем более что в немецких гарнизонах мы заметили украинцев, армян, грузин, оказавшихся в плену». По его словам, особое внимание уделялось при этом гарнизонам, сформированным из военнослужащих РАО.

Вот как отзывался о деятельности разведчиков в своих воспоминаниях бывший представитель Центрального штаба партизанского движения на Калининском фронте

генерал-полковник С.С. Бельченко:

«Первые же дни действий партизан и подпольщиков подтвердили историческую истину, что разведка - «глаза и уши». И если желаешь как можно успешнее выиграть войну, сражение, битву, надо знать врага, его сильные и слабые стороны, а это дает возможность обмануть его, перехитрить и, имея меньше сил, одержать победу. Лучше переоценить его силы и возможности, чем недооценить... Сегодня, оглядываясь в прошлое, можно смело сказать, что и советская разведка не лыком была шита...»

После войны П. В. Бобрусь окончил курсы по переподготовке оперативного состава при куйбышевской школе МВД и долгие годы служил в органах внутренних дел. В отставку вышел подполковником, с должности начальника исправительного учреждения, и продолжил трудиться на другом поприще. В некрологе администрации района, опубликованном в газете «Андреапольские вести» 26 марта 1992 года, отмечалось: «За мужество и стойкость в годы войны он удостоен 12 государственных наград, в том числе двух орденов Отечественной войны I степени, ордена Красной Звезды. Много лет Петр Васильевич отдал работе в органах Министерства внутренних дел, за что награжден медалью «За 15 лет безупречной службы». С 1962 года жизнь Петра Васильевича была связана с Андреапольским районом. Бобрусь много лет возглавлял райпромкомбинат, комбинат бытового обслуживания, работал инженером по технике безопасности и охране труда в совхозе «Андреапольский», одновременно возглавляя первичную партийную организацию...».

- Скажите, почему о нем так мало писали? – как-то спросил я у председателя областного совета ветеранов партизанского движения Клавдии Ивановны Тяпиной.

- Видите ли, он был из НКВД. Мы знали его под вымышленной фамилией Гонтаря. Это было известно ограниченному кругу людей, а мы, рядовые партизаны, не до конца понимали масштаб деятельности Петра Васильевича. Это теперь мы знаем, что очень многим обязаны ему и другим нашим чекистам...

С. НИКОЛАЕВ

На снимке: П.В. Бобрусь (вверху в центре) среди боевых друзей на Псковщине (1964 г.)

«МНЕ ПОВЕЗЛО НА УЧИТЕЛЕЙ...»

Один из лучших учеников Андреапольской средней школы по физике, выпускник 1963 года, он был наделен с детства и другими талантами. «Людвиг Ван Бетховен, «Аппассионата», исполняет Валерий Гаврушко», - объявила однажды на школьном вечере ведущая. На сцене появился юноша в черном костюме и с ежиком темно-русых волос на голове, сел за фортепьяно и заиграл. Впрочем, его главным делом стала все-таки физика.

ВАЛЕРИЙ Владимирович Гаврушко родился 1 января 1945 года в селе Старые Юрковичи, что на брянщине. Его отец Владимир Иванович - летчик-истребитель, сбивший шесть немецких самолетов и награжденный многими орденами и медалями, познакомился с мамой Ольгой Никитичной, операционной сестрой госпиталя, на фронте. Послевоенная служба отца протекала в Барановичах, Ржеве, Андреаполе. В семье, помимо Валерия, были сестра Инна и два брата-близнеца, Володя и Юра. Сейчас Инна живет в Белгороде, Володя живет в Рязани, а Юра - в Подольске. За плечами у каждого из них достойная жизнь.

Валерий же и ставшая его женой бывшая одноклассница Любовь Александровна Свякова (в девичестве), родившаяся в Охвате, живут в Великом Новгороде.

- Мне всю жизнь везло на хороших учителей, - говорит Валерий

Владимирович. - Сначала я поступил в Ленинградский госуниверситет. Сдал физику и математику на «отлично», но споткнулся на английском. Не раздумывая, подал документы в ЛЭТИ (Ленинградский электротехнический институт), на электрофизический факультет, где вступительные экзамены были месяцем позже. Конкурс - огромный, требования - высокие. Из сотен абитуриентов лишь несколько человек, в том числе и я, получили пятерки по физике. У меня спрашивают: «Какую школу окончил? Кто преподаватель физики?» Говорю: «Окончил среднюю школу в Андреаполе. Преподаватель физики - Тамара Ивановна Гаврилова». Выйдя замуж, она станет Соловьевой. Прекрасные знания давали учитель математики Екатерина Николаевна Шимкевич, химии - Галина Алексеевна Замховская, русского языка и литературы - Лариса Михайловна Жилина. Василий Сергеевич Новиков научил меня разбираться в электрике, Эдуард Эдуардович Шимкевич - фотографировать, Алексей Яковлевич Кириллов - водить автомобиль. Позже, в институте, очень многое мне даст профессор Олег Валентинович Косоков. Он - мой наставник в науке.

Учился Валерий блестяще и, получив диплом с отличием, был оставлен в аспирантуре при институте. После ее окончания защитил кандидатскую диссертацию по оптоэлектронике на закрытую тему и получил распределение в филиал ЛЭТИ в Новгород. Вскоре филиал стал политехническим институтом, затем все вузы города, педагогический, политехнический, сельскохозяйственный и добавившийся к ним

медицинский, объединились под одной крышей и стали называться Новгородским Госуниверситетом имени Ярослава Мудрого. В конце 90-х В.В. Гаврушко защитил докторскую диссертацию на тему «Разработка и исследование источников оптического излучения для спектрального диапазона 0,4-5 микрон», получил звание профессора. В Новгородском госуниверситете Валерий Владимирович заведует кафедрой общей и экспериментальной физики. Его исследования находят широкое применение при изготовлении тепловизоров, пожарных датчиков, приборов ночного видения и т.д. Значительную часть в исследованиях и разработках талантливого ученого занимает оборонная составляющая, связанная с ракетной техникой - в частности, с портативным комплексом «Игла». Приборы Валерия Гаврушко нашли прописку на военно-космических испытательных полигонах Плисецка и Капустина Яра.

Валерий Владимирович - член президиума научно-методического совета по физике при министерстве образования и науки. Возглавляет этот совет лауреат Нобелевской премии академик Жорес Иванович Алферов. Кроме того, В.В. Гаврушко - член диссертационного совета северо-западного региона страны. У него свыше 150 научных работ. Валерием Владимировичем подготовлены один доктор и четыре кандидата наук. За успешную научно-изобретательскую деятельность он награжден серебряной и бронзовой

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 12)

медалями ВДНХ, удостоен звания Почетного работника высшего образования Российской Федерации. Когда в ЛЭТИ вышла книга о лучших выпускниках этого престижного вуза за всю его историю, профессор Гаврушко оказался в их числе.

Его жена, Любовь Александровна, окончила Ленинградский институт текстильной и легкой про-

мышленности. Много лет она руководила производственной практикой студентов Новгородского Госуниверситета. Дочь Гаврушко, Наташа, получила два высших образования, она - инженер-конструктор радиоэлектроники и юрист.

- Когда можно стало ездить за границу, много красот там повидал, но краше охватского угла нет видел, - говорил Валерий Владимирович.

То, что В. В. Гаврушко добился впечатляющих успехов в науке, общеизвестно, но мало кто знает, что ее еще и талантливый плотник и столяр. Чтобы убедиться в этом, достаточно увидеть, какие постройки он возвел рядом со старым домом в Охвате. Все сделано им, при помощи внука, продуманно, основательно и красиво.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ В МОЗАМБИКЕ

В 1964-м Александр Жарковский стал студентом лечебного факультета Калининского Государственного медицинского института. Окончил его в 1970-м и приехал на родину, где три года работал терапевтом и заведующим поликлиникой. Здесь было, у кого набираться врачебного опыта. Главным врачом районной больницы в ту пору работала Антонина Алексеевна Кравченко (в будущем заслуженный врач РСФСР, Почетный гражданин Андреапольского района).

В дальнейшем жизнь и работа Александра Ивановича были связаны с Калинином: заместитель главного врача больницы №2 по поликлинике, врач-рентгенолог областного противотуберкулезного диспансера, заведующий сектором кадров облздравотдела. В 1982-м А. И. Жарковский уезжает в командировку в Анголу, где в течение трех лет трудится врачом-рентгенологом в республиканском госпитале г. Кабинда. Затем - возвращение на родину, работа заведующим флюорографическим отделением и - новая командировка в Африку, на этот раз в Мозамбик. В этой стране Александр Иванович и его супруга Ирина Тофиковна жили

и работали с 1988-го по 2004-й год. Наш земляк был врачом-рентгенологом республиканского госпиталя в г. Мапуту, возглавлял в этой стране коллектив российских медицинских работников.

За долгие годы пребывания в Африке Александр Иванович в совершенстве освоил португальский язык, а жена его - португальский, испанский и английский (Ирина Тофиковна окончила Тверской Государственный университет и Ленинградский государственный педагогический институт имени

Герцена, она - филолог и специалист по исправлению дефектов речи). Их дочь Светлана окончила в Мозамбике с золотой медалью среднюю школу при посольстве и курсы английского языка при филиале Кембриджского университета, а сын Иван - девять классов. Впрочем, учиться в иностранных высших учебных заведениях дети не пожелали. Светлана окончила лечебный факультет Тверской Государственной медицинской академии и ординатуру по кардиологии. Сейчас работает в Тверском кардиоцентре. Иван окончил фармацевтический факультет, директор одной из тверских аптек.

Нет-нет, да и вспомнит Александр Иванович годы, проведенные в Африке, покажет друзьям фотографии той поры. На одной из них нынешний патриарх Русской православной церкви, а тогда митрополит Смоленский и Калининградский, Кирилл. Он летел в Йоханнесбург, где открывался православный храм, и, по приглашению посла России в Мозамбике Владимира Васильевича Земского, сделал остановку в Мапуту. Здесь провел молебен в греко-католическом храме, дал благословение россиянам, в том числе Александру Ивановичу, Ирине Тофиковне и их сыну Ивану.

Сейчас А.И. Жарковский заведует противотуберкулезным санаторием в Черногубове.

• Письмоносец

Приятным сюрпризом стала для меня публикация подборки моих стихотворений в литературно-просветительской газете «Двинский бережок». Спасибо редакции газеты и Содружеству литераторов Верхневолжья, предо-

ставившему мои стихотворения для публикации.

Год назад последствием редкого астрономического явления, мистически совпавшего с терактом в Ницце, стало стихотворение «Марсова зарница». Я не включала его в свою книгу «Марьян скит», так что его публикация в газете

«Двинский бережок» – премьерная. Еще два стихотворения – из книги «Марьян скит».

Мария Парамонова,
г. Тверь

• Подвижники

МУЖИЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Дмитрий Валерианович Арсеньев расстался со столицей, когда ему было 45 лет, и, казалось, все дороги к славе в мире искусства для него открыты. Что же подвигло этого человека уехать в глухую деревеньку Октябрьское? Невозможно ответить на этот вопрос, не коснувшись биографии Арсеньева.

РОДИЛСЯ он 2 июля 1944 года в Москве. Его отец Валериан Сергеевич был заслуженным артистом России, работал в музыкальных театрах, балетах и в ансамбле Игоря Моисеева, с которым вместе учился в школе Большого театра. Мама Валентина Матвеевна Харитоновна (Арсеньева) тоже была солисткой моисеевского ансамбля. С малых лет Дмитрий получил то, чего не имели многие сверстники. Параллельно с обычной школой он учился в музыкальной - по классу фортепьяно, занимался в драмкружке.

Получив аттестат зрелости, Арсеньев поступил на актерское отделение высшего театрального училища имени М.С. Щепкина.

- Моей однокурсницей была Инна Чурикова. Курсом выше учились Виталий Соломин, Олег Даль. Михаил Кононов. Преподавали нам мэтры - Волков, Цыганков, другие, - вспоминал он. - Правда, дальнейшая жизнь меня с ними разлучила. Дело в том, что «Щепку» стали объединять с училищем имени Шуккина и училищем МХАТа, желая создать академию под крылом ГИТИСА. Узнав о реформации, студенты начали разбегаться, устраиваясь, кто как мог. Шел 63-й год, и у меня уже были жена, дочка. Чтобы иметь средства, я подрабатывал в джаз-оркестре ресторана. Тем временем профессор Прокофьев подготовил меня для поступления в училище при консерватории, куда я был принят на дирижерско-хоровой факультет. Не заметил, как отсрочка от армии закончилась, и меня «забрили» в солдаты. В Таманской дивизии включили в состав парадного оркестра. Играл на «тарелках», на барабанах, участвовал в парадах...

Вернулся Арсеньев «на гражданку» с твердым желанием стать музыкальным режиссером. В этом органично слились две прежние его ипостаси - театр и музыка. С 4 курса музыкального училища при консерватории Дмитрий уходит в ГИТИС, поступив на факультет музыкальной режиссуры. В то время он уже трудился машинистом сцены в Московском гастрольном театре. ГИТИС еще не был окончен, а Арсеньев получил направление на практику в Ленинград, в Кировский театр оперы и балета. Затем практиковался в качестве ассистента режиссера в Пермском академическом театре оперы и балета. Театр только-только приступил к постановке оперы Бизе «Искатели жемчуга». Всю ответственную работу «повесили» на Арсеньева. Премьера прошла блестяще, после его попросили поставить «обязаловку» к 50-летию СССР - оперу «Крушение». Музыка ее написал мало кому знакомый композитор Армянян. Арсеньев отнекивался, ему хотелось ставить «Онегина», «Травиату», «Кармен»... Но что оставалось делать? И тут случилось неожиданное. Арсеньевская «обязаловка» поучила вторую премию по Союзу, и молодой режиссер «наутро проснулся знаменитым». Слово по заказу, статьи о нем появляются в «Советской культуре», «Театральной жизни», «Советской музыке». Он снова получает приглашение в Пермь, где ставит оперу Вагнера «Люэнгрин». Премьера прошла на высоте. Следом взялся за «Дона Карлоса» Верди. И тоже - полный успех. Но...

- У моей жены был хороший голос, и она претендовала на главные роли. Не всем это понравилось, - рассказывал Дмитрий Валерианович. - Оказавшись в пикантном положении, я положил на стол заявление об уходе. Но

скупать не пришлось. Направили главным режиссером театра оперы и балета в Воронеж. Здесь поставил сначала «Царскую невесту» Римского-Корсакова, затем мюзикл «Обыкновенное чудо». Прекрасную музыку к нему написал Слава Граховский. Потом был Штраус - «Венская кровь». Душа к этому спектаклю не лежала, и постановка вышла неудачной. А тут - другая проблема. Директор театра тяготел к мюзиклам, и на этой почве у нас возникли серьезные разногласия...

Приехав в Москву, Арсеньев зашел к начальнику управления музыкальных театров министерства культуры СССР С. А. Лушину. Тот с ходу предложил должность главного режиссера оперного театра в Ашхабаде. Работал там Арсеньев так, как и привык работать. Самозабвенно, страстно. Его включили в состав коллегии Министерства культуры республики. Возник вопрос о представлении Дмитрия Валериановича к званию заслуженного деятеля искусств. Правда, ему без обиняков сказали: «Оставайся на постоянное жительство, тогда получишь звание». Прописываться в Ашхабаде он не хотел, чтобы не терять квартиру в Москве. К тому же, сильно дожимала жара. В 1979-м году опять вернулся в первопрестольную, где участвовал в подготовке культурной программы Олимпиады-80.

- Я преподавал в ГИТИСе, на факультете музыкальной режиссуры. Кроме того, работал в мастерской Евгения Матвеева во ВГИКе. После того, как Матвеев отправился в творческую командировку снимать фильм «Победа», я перешел в мастерскую Сергея Бондарчука. Потом вернулся к закончившему съемки Матвееву. С увлечением поставил «Тень» Шварца. Помнится, в это же время

(окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

Жора Бурков ставил «До третьих петухов» по Василию Шукшину, и мы с Жорой на короткое время душевно сошлись. И все-таки пришел момент, когда захотелось вернуться к привычному делу...

Дмитрий Валерианович назначают главрежем Саратовского театра оперы и балета имени Чернышевского. Здесь он поставил «Кармен» Бизе, «Евгения Онегина» Чайковского «Дубровского» Направника, но в 1987 году, неожиданно для многих, покинул и этот театр. Не все складывалось в личном плане, вновь распалась семья. Но все-таки не это явилось главной причиной ухода. Этот период стал для Арсеньева своего рода решающей точкой долгих внутренних исканий.

- Увлекался восточной медициной, перечитал массу философских книг, затем перепробовал многое другое, пока, наконец-то не освободился от державших меня «кандалов», не пришел к вере, к Евангелию, - пояснил он.

Когда Арсеньев оказался в Пенновском районе, то жил сначала в деревне Залуковье, в старом холодном доме своего приятеля-москвича, позже перебрался в Октябрьское, в здание бывшей школы, которое к тому времени пустовало и разрушалось. Деревенская жизнь была ему, коренному горожанину, совершенно незнакома, но постепенно он в нее втянулся. Устроился директором аренды «Успенское» в совхоз «Луговской». Греб навоз на ферме. Научился управлять трактором, комбайном. Взялся ремонтировать дом. Нескольким раз в неделю ходил за 17 километров в село Ворошилово, где преподавал в школе историю, государство и право, музыку. Когда совхоза не стало, работал почтальоном. Развел подсобное хозяйство. Две коровы у него было, лошадь, четыре свиньи, тринадцать овец, тридцать пекинских уток, десять пчелиных домиков...

- Приехал как-то в Москву, а мне предлагают режиссерство в Америке, в Австралии, - рассказывал Арсеньев. - «Боже, что я там, вдали от Родины, забыл? - ответил им. - Мужиком я себя в деревне почувствовал, ребята! Всему научися. Лес валить. Пилить, строгать, косить. Сети на озере ставить. Верхом на коне скакать. Грибы солить. Корову доить! Смотрят они на меня так, словно я с Луны свалился. А

однажды останавливается возле калитки иномарка, вылезает из нее... Не стану называть фамилию, но известный человек: народный артист СССР, и все прочее. Говорит, оказался в Осташкове, на конкурсе Ирины Архиповой, а до тебя отсюда - рукой подать. Он про какие-то языческие вещи толкует, а я чувствую: полоса между нами неодолима...

Из Саратова, выйдя на пенсию, к Арсеньеву окончательно перебралась Тамара Владимировна. Согласно православному обычаю, они обвенчались. Жизнь у нее тоже складывалась непросто, пока не сошлись они, эти два одиночества, вместе. Когда Арсеньев работал в Саратове главрежем, их квартиры были в одном подъезде. Тамара Владимировна - инженер-строитель, архитектор, преподавала в строительном техникуме, работала в проектных НИИ. Разве ведали они в пору своего знакомства, что со временем станут жить в деревне? Радости прибавляли подружившиеся между собой дети и внуки Дмитрия Валериановича и Тамары Владимировны. Летом они съезжались. Ловили рыбу, заготавливали сено, собирали грибы-ягоды, ходили на службу в храм Пресвятой Троицы, до которого рукой подать. Восстанавливать его начинал когда-то Арсеньев. Потом обнаружился богатый спонсор (Бог послал), и взял заботу на себя. Здесь, на церковном кладбище упокоились отец и мать Дмитрия Валериановича и его внучка Екатерина.

На прощание Арсеньев подарил мне свою книгу «Письма сельского почтальона». Написана она болящим и добрым сердцем. Сердцем подвижника, мыслителя, крестьянина:

«Не хочешь, чтобы твой сын сломался при первых же трудностях - воспитай из него мужчину. Боишься, как бы с ним не случилось беды вдали от родительских глаз - доверь попечение о нем Всевышнему Богу. Не хочешь, чтобы однажды твоя дочь пошла по рукам - выключи телевизор, выбрось развратные журналы и книги, сними со стен в ее комнате Наталью Орейро и всех прочих бесенят».

«И никакие не выборы, не экономические программы, не политические лозунги, не социальные институты решают судьбу народа и страны, а люди, у которых есть душа, открытая Богу, другим людям».

«Пока каждый из нас не ска-

жет себе честно: это я во всем виноват, это моя личная греховность и нежелание покаяться - причина всех русских бед, до тех пор ничего не изменится».

«Что происходит с нашим народом? Мужчины не хотят служить, женщины не хотят рожать. Улей наш разорен, снуют по нему мыши и крысы. Заморские пчеловоды все ждут, когда мы станем тихими и мирными, чтобы взять наш мед голыми руками. А мы все терпим и не жужжим. А пора бы».

«Вопрос не в деньгах, а в устройстве души. Здесь все зависит от правил, в которых воспитывался тот или иной человек. Есть нищий, который никогда не возьмет чужого, а есть богач, который всегда прихватывает лишнее, за счет чего и богатеет. Один человек не может перешагнуть нравственных барьеров внутри себя, а у другого их попросту нет. С одним человеком можно заключить договор, поверив на слово (как прежде русские купцы доверяли друг другу огромные суммы), а другого можно держать только страхом, да и то...»

В документальном фильме «Выхожу один я на дорогу» (его часто повторяют на телеканале «Спас»), снятом по заказу Министерства культуры, Арсеньев предстает в различных обстоятельствах деревенского бытия. Пашет плугом огород. Ставит стропила на срубе бани. Ухаживает за домашними животными. Молится в храме. Размышляет о предназначении человека. Играет на фортепьяно фантазию Моцарта и трогательное русскую душу «Письмо к матери» на стихи Есенина... В этом была вся его деревенская жизнь.

Когда Дмитрия Валерьяновича не стало (отказало сердце), я ездил его провожать. Похоронили подвижника рядом с родными людьми, на кладбище возле отреставрированной Отоловской церкви. Вскоре Тамара Владимировна перебралась в Саратов. Но дом не пустует: в нем поселилась дочь Дмитрия Валерьяновича Ольга. Жизнь в Октябрьском продолжается.

Валерий КИРИЛЛОВ

На снимке: Дмитрий Валерианович и Тамара Владимировна Арсеньевы

Золотой запас

Кондратий Рылеев

(1795-1826)

ДАВНО МНЕ СЕРДЦЕ ГОВОРИЛО...

Давно мне сердце говорило:
 Пора, младый певец, пора,
 Оставив шумный град Петра,
 Лететь к своей подруге милой,
 Чтоб оживить и дух унылый,
 И смутный сон молодой души
 На лоне неги и свободы,
 И расцветающей природы
 Прогнать с заботами в тиши.
 Настал желанный час - и с тройкой
 Извозчик ухарской предстал,
 Залился колокольчик звонкой -
 И юный друг твой поскакал...
 Едва заставу Петрограда
 Певец унылый миновал,
 Как разлилась в душе отрада,
 И я дышать свободней стал,
 Как будто вырвался из ада...

1821 г.

Петр Орешин

(1887-1938)

ВЕЛИКОРОСС

В полях, в степи, по мокрым балкам,
 Среди рощ, лесов, озер и рек,
 В избе с котом, с лежанкой, с
 прялкой, —
 Понятен русский человек.

Мужик: поля, леса и степи,
 Запашка, сев, страда, покос.
 Как дуб в лесу, растет и крепнет
 В снопах ржаной великоросс.

Душа — скирды седой соломы,
 Заря в степи да рожь в мошне.
 Растут и пухнут исполкомы
 Скирдами в русской стороне.

Весной — соха, возня с загоном,
 Хлеб в осень, пузо в кушаке.
 И тянет сытым самогоном
 Изба в родном березняке.

Но крепок на ноги сохатый,
 Как лес, как пашня, как загон.
 И тешится с землей брюхатой
 По вёснам, точно с бабой, он.

За урожай какого бога
 Благодарить? — ведь так привык.
 И вокруг навьюченного стога
 Зеленый ходит лесовик.

А завтра, с первою метелью
 За неотесанным столом,
 Отпившись квасом от похмелья,
 На суд собрался исполком.

Сопит, ведёт такую тягу,
 Вовек такой не подымал.
 И языком, язык-коряга,
 Скоблит: ... ин-тер-на-цио-нал.

Нерусский дух! И вдруг решает:
 Какой там бог! — махнул рукой.
 И тяжело дышит грудь ржаная
 Снегами, волей и тоской.

Глухая степь. Летят метели.
 Но день в заре и в голубом.
 За шорохом сосны и ели
 Шумит сермяжный исполком.

Он — сила страшная, ржаная.
 Ржаной мужик — сама земля.
 Недаром в годы урожая
 Снопам пахнет от Кремля!

1922 г.

Александр Галич

(1918-1977)

СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
 И не платим мальчишеству дань,
 И за кладом на сказочном острове
 Не стремимся мы в дальнюю даль.
 Ни в пустыню, ни к полюсу

холода,

Ни на катере ...к этакой матери.
 Но поскольку молчание - золото,
 То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи - попадешь в богачи!
 Промолчи, промолчи, промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
 Для надежности спрятав глаза,
 Сколько раз мы молчали

по-разному,

Но не против, конечно, а за!
 Где теперь крикуны и печальники?
 Отшумели и сгнули смолоду...
 А молчальники вышли в

начальники,

Потому что молчание - золото.

Промолчи - попадешь в первачи!
 Промолчи, промолчи, промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
 Нас заела речей маята,
 И под всеми словесными перлами
 Проступает пятном немота.
 Пусть другие кричат от отчаянья,
 От обиды, от боли, от голода!
 Мы-то знаем - доходней молчание,
 Потому что молчание - золото!

Вот так просто попасть в богачи,
 Вот так просто попасть в первачи,
 Вот так просто попасть в - палачи:
 Промолчи, промолчи, промолчи!..

1963 г.